

принципів і засад, а з іншого, – у процесі опису концептів дослідники захоплювалися мовною репрезентацією, ототожнюючи глибинні семантичні ролі з поверхневими функціями, що веде до ігнорування будь-якої базової когнітивної моделі і зводить концептуальний аналіз до опису валентності мовних одиниць і до пояснення підґрунтя лише їх метафоризації. Унаслідок цього когнітивні механізми залишаються прихованими за численними мовними фактами. Часто відбувається і зворотнє явище, коли пропонується певна модель концепту, до якої підтягуються різноманітні мовні факти, які нерідко не вкладаються у її межі, і тому залишаються поза увагою дослідника. Звідси виникає потреба у моделі нового типу, яка б у спрощеному ідеалізованому вигляді відтворювала психоментальну реальність концептуалізації і її мовне забезпечення, демонструвала синергетичність суперсистеми свідомості, де мова є однією з підсистем, пов'язаною з іншими психічними функціями (відчуттями, почуттями, образами, мисленням, інтуїцією тощо) [Селиванова 2007, с. 52].

Ураховуючи спрямованість, мету й завдання нашого дослідження, ми вважаємо, що необхідно синтезувати різні способи концептуального аналізу для отримання вичерпної картини, яка демонструє особливості концептуального простору (КП) мовних одиниць. Причина використання нами різних способів опису КП пояснюється не тільки відсутністю єдиних схем і загальноприйнятої методики їх дослідження, а й тим, що КП мовних одиниць для людини не може бути ні дефініцією, ні усталеним набором певних ознак, він – живе знання [Маслова 2005, с.70], тобто динамічне функціональне утворення – продукт/результат переробки вербального та невербального досвіду і як певне знання, він мінливий, плинний, часом невловимий і невтримний.

Висновок. Отже, концептуальний аналіз, мета якого – розкриття всієї сукупності вербальних і невербальних уявлень і образів, характерних для свідомості людини – полягає у відтворенні знання, пов'язаного з мовними одиницями, за допомогою їх семантики шляхом побудови моделі концептуального простору, на основі якої досліджується їх змістове наповнення.

Використавши різні способи концептуального аналізу для отримання вичерпної картини світу, **перспективним** видається дослідження концептуального простору мовних одиниць сучасної англійської мови.

Література

- Жаботинская С.А.* Теория номинации: когнитивный ракурс / С.А. Жаботинская // Вестник МГЛУ. – 2003. – № 478. – С. 145–164. *Жаботинская С.А.* Лексическое значение: принципы построения концептуальной сети / С.А. Жаботинская // Pstyga A. (red.) *Złoto z perspektywy językoznawcy i tłumacza.* – Gdansk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2005. – Tom II. – Р. 53–62. *Кубрякова Е.С.* Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем / Е.С. Кубрякова // Язык и структуры представления знаний: сб. научно-аналитич. обзор. – М.: РАН ИНИОН, 1992. – С.4–38. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность. Антология. – М.:Academia, 1997. – С.280–287. *Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика: учеб пособие / В.А. Маслова. – Мн.: ТетраСистемс, 2005. – 256с. *Никитин М.В.* Основы лингвистической теории значения / М.В. Никитин. – М.: Высшая школа, 1998. – 168с. *Полюжин М.М.* Концептуальна система як базове поняття когнітивної семантики й теорії мовної особистості / М.М. Полюжин // Проблеми романо-германської філології: зб. наук. праць. – Ужгород: ЛІРА, 2005. – С.5–19. *Селіванова О.О.* Теоретичні засади й дослідницькі можливості концептуального аналізу / О.О. Селіванова // Нова філологія: зб. наук. праць. – Запоріжжя: ЗНУ, 2007. – №.27. – С.49–56. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – 990с. *Сусов А.А.* Размышления о концептах / А.А. Сусов, И.П. Сусов // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. Серія Романо-германська філологія. –2006. – № 726. – С.14–20.

УДК 811.161.1:82-343

АНТОНЕНКО Н.П.

(Київський національний університет імені Тараса Шевченка)

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И ТЕМПОРАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ ИРРЕАЛЬНОСТИ В РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

Статья посвящена описанию маркеров ирреальности как подтипа психологических ассоциативов в русских волшебных сказках. Исследованы пространственные и темпоральные характеристики ситуации пересечения миров: способность мифопоэтического пространства изменяться, а времени – замирать.

Ключевые слова: мифопоэтика, психологические ассоциативы, маркеры ирреальности, возможные миры, волшебная сказка.

Антоненко Н.П. **Просторові та темпоральні маркери ірреальності у російських чарівних казках.** Стаття присвячена опису маркерів ірреальності як підтипу психологічних асоціативів у російських чарівних казках. Досліджені просторові та темпоральні характеристики ситуації перетину світів: здатність мифопоетичного простору змінюватися, а часу

– завмирати.

Ключові слова: міфопоетики, психологічні асоціативи, маркери ірреальності, можливі світи, чарівна казка.

Antonenko N.P. Spatial and Temporal Markers of Irreality in Russian Fairy Tales. The article is devoted to description of irreality markers as subtype of psychological associatives in Russian fairy tales. Spatial and temporal characteristics of the worlds' intersection situation are explored: ability of mythopoetical space to change and ability of time to stop.

Keywords: mythopoetics, psychological associatives, irreality markers, possible worlds, fairy tale.

Актуальность исследований в области мифопоэтики обусловлена повышенным интересом современной лингвистики к изучению мифопоэтической картины мира как особой, сакральной системы, способной сохранять древнейшие пласты смыслов. Заслуживает внимания объективация мифопоэтических смыслов и архитипических образов.

Цель исследования — проанализировать особенности реализации хронотопических маркеров ирреальности как подтипа психологических ассоциативов мифа восточных славян в русских волшебных сказках. Достижение цели предусматривает описание пространственных и темпоральных маркеров ирреальности в мифе восточных славян и в русских волшебных сказках. В связи с этим, **объектом исследования** являются психологические ассоциативы концептуально-языковой картины мира, отображенной в текстах русских волшебных сказок. **Предметом исследования** является вербализация лингвомифопоэтического потенциала маркеров ирреальности в русских волшебных сказках. Материалом исследования были избраны русские волшебные сказки – один из наиболее стойких, классических и консервативных жанров, которые сохраняют свою мировоззренческую архаику.

В процессе исследования была собрана и проанализирована цитатная картотека в объеме 529 единиц.

Теоретико-лингвистические разработки в данную область внесли исследователи мифопоэтической картины мира А.Н. Афанасьев, Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров, М.Элиаде, а также М.Новикова, П.Червинский, Н.Слухай, М.Жуйкова и др. Исследованием русских волшебных сказок занимались В.Я. Пропп, В. П. Аникин, В.М. Жирмунский, К.Е. Корепова, Б.А. Рыбаков и др. Изучением существования ирреальных возможных миров и способов их структурирования занимались В.А. Смирнов, И.Пхакадзе, В.В. Иванов, В.Н. Топоров, Я.Хинтика, В.Н. Садовский, Н.В. Слухай и др.

Новизна данного исследования состоит в том, что специфика проявления мифопоэтической парадигмы смыслов маркеров ирреальности исследована на примерах русских волшебных сказок. Поскольку работа принадлежит к области ключевых вопросов лингвосомиотики, значимым является рассмотрение актантов объектов, субъектов, времени, места, которые продуцируют и структурируют смыслы.

К числу важнейших задач современного гуманитарного познания относится проблема определения сущности мира и существования возможных миров.

Возможный мир – это категория модальной логики, которая используется для установления истинности/ ложности модальных высказываний [Вардзелашвили, 37], это нечто мыслимое, что не отражает реального положения вещей («реальность нереального»), это возможное положение вещей по отношению к субъектам объекта, находящегося в реальном мире и проецирующего свое «я» в другие мыслительные пространства [Бабушкин 2001, 4-10].

Обобщая вышеприведенные определения, понятие «возможный мир» можно интерпретировать как возможное положение дел, возможное развитие событий (степень возможности осуществления тех или иных действий подвергается определенной дифференциации), определенный альтернативный вариант, который существует рядом, но в другой плоскости.

Объективацией перехода в другой мир может быть не только языковой знак с семантикой модальности, главное, чтобы был более чем один вариант развития событий. А значит, к границам миров будут принадлежать метафоры, метонимии, субъекты осмысления, объекты осмысления, символы, любой компонент абстрактной, конкретной логики и другие. Такие языковые знаки, находящиеся на грани с «возможным миром» могут быть представлены различными языковыми средствами и знаками, они предусматривают возможность выбора прочтения их содержания во время расшифровки. Для исследования ситуаций перехода в мифе важным является понятие психологического ассоциатива.

Психологический ассоциатив (ПА) – любой вербализованный компонент ситуаций сакральной истории личности или социума [Слухай 1999, 108]. Группа психологических ассоциативов – **маркеры ирреальных миров универсума**, связаны с запрещением, забыванием,

отказом от проявления жизни, нетипичными, проявлениями жизни [Слухай 2005, 84]. В русских волшебных сказках выделены следующие *группы маркеров*: пространственные, темпоральные, невербальные средства коммуникации существ иного мифомира, необычный внешний вид, чревоугодие/воздержание от пищи, сверхбыстрое перемещение и бесплодие. В данной статье будут рассмотрены две наиболее продуктивные группы – пространство и время в русской волшебной сказке.

Пространственные маркеры, описывающие ландшафт потустороннего мифомира

Сказочное пространство не соотносится с реальным пространством: оно нереально, условно, не имеет конкретных географических наименований, четких границ, оно «замкнуто» само в себе. Об этом свидетельствуют следующие маркеры ирреальности: *мох, болото, пустота, рвы, буераки, темный лес, камень острое*.

Болото считается в народе опасным местом, которое связано с нечистью. В южнославянской традиции болоту соответствуют иные пограничные места – горы, *лес, пустошь* [Славянские древности 1995, 228]. В русских волшебных сказках болото является *локусом обитания магических женских сил*: «Вот он шел, шел, дошел до болота, видит – сидит лягушка, подхватила его стрелу» [Живая вода 1986, 119]. *Являясь локусом преграды*, мхи и болота выполняют функцию границы между реальным и потусторонним миром, которую герой обязан преодолеть: «Я по мхам, по болотам ходила, платье измочила, пришла погреться» [Живая вода 1986, 130]. Вслед за лексикографическими источниками, семантика мифологем «болото», «мох» связана исключительно со значением смерти и потусторонним миром.

Также считается, что *пустые* и открытые места притягивают нечистую силу. Множество славянских быличек повествуют о встречах с чертом, сатаной, вампиром и другими вредоносными мифологическими персонажами в пустых заброшенных строениях. Магические действия, запреты и предписания, направленные на избежание или уничтожение зла, часто бывают связаны с предотвращением контакта с пустыми предметами и объектами (женщины с пустыми ведрами не должны переходить дорогу идущему, нельзя возвращать пустую посуду) [Славянские древности 2009, 146-147]. В русских волшебных сказках пустошь, рвы и буераки являются *маркерами ирреального мира и смерти*: «Вот тебе служба: есть у меня *пустошь* на тридцать верст и в длину и поперек – одни *рвы, буераки, да камень острое!* И чтоб к завтрашнему дню было там как ладонь гладко, и была бы рожь посеяна...» [Живая вода 1986, 113]. Подчеркивается также связь данных мифологем со смертью и противопоставление с рожью, как с культурой «дающей жизнь» (жито – от жить) [Славянские древности 2009, 463].

Лес – в славянской мифологии и фольклоре локус, наделенный признаками удаленности, непроходимости, необъятности, сближаемый с «тем светом» и понимаемый как место обитания хозяина леса и других мифологических существ [Славянские древности 2009, 97]. В русских волшебных сказках таким мифологическим существом может быть сидящая в огне красная девица: «Среди леса поляна, на поляне огонь горит, в огне девица сидит, да такая красавица...» [Народные сказки 1992, 209]. Образ леса как «того света» особенно характерен для славянского фольклора. Это «чужое» место, максимально удаленное от человеческого мира, куда отсылают болезни, непогоду и нечистую силу.

В сказках лес характеризуется как «темный» и «дремучий» и обычно выступает в качестве непреодолимой преграды. *Темнота* - (*tem – индоевроп. «отсутствие света») – символ неразвитых возможностей, отсталости, ассоциируется с негативным началом [Словник символів 1997, 126]. Темнота символизирует состояние неразвитых потенциальных возможностей, которые дают толчок сотворению хаоса [Керлот 1994, 526].

В русских волшебных сказках лес является *таинственным локусом*, выполняет роль *преграды на пути героя*, которая вселяет страх: «...а лес стал темнее. За ноги ее цепляет, за рукава хватает...» [Живая вода 1986, 90]. Таким образом, в символике мифологемы «темнота» наблюдается оценочное противопоставление «плохое-хорошее» с доминантой первого признака. Лес осмысливается как преграда и часто является местом инициации героя.

Дремучему и темному лесу противостоит чистое *поле, открытый и близкий к дому локус*: «Выбежала она в чистое поле и только видала: метнулись вдалеке гуси-лебеди и пропали за темным лесом» [Живая вода 1986, 129].

Свет в фольклоре противостоит тьме и является символом духа, интеллекта, моральности, единства всего со всем, любви, красоты, творческих сил, космической энергии, обновления жизни, правды, истины, добра, солнца, дня и т.д. Отмежевание света от тьмы рассматривается как

отмежевание Космоса от Хаоса [Словник символів 1997, 109]. В русских волшебных сказках свет является *маркером жизни и земного мира*: «долго шли они подземным ходом, вдруг забрезжил свет – все светлей да светлей, и вышли они на широкое поле» [Народные сказки 1992, 210]. Это полностью совпадает с лексикографическими данными, мифологема наделена исключительно положительной семантикой.

Пространство в русских волшебных сказках может **сужаться и расширяться**, разворачиваясь в нужный для героя момент: «Жемчужное царство клубочком свернулось, да вслед за ним покатилося... пришел в золотое царство, потом в серебряное, а потом и в медное, взял с собою трех прекрасных царевен, а те царства свернулись клубочками да за ними же покатались» [Народные сказки 1992, 47]. Как видим, действие может быть двунаправленным: «Иван-царевич тотчас за ножницы, изрезал на клочки весь атлас и бархат и выкинул за окно; отворил золотое царство, взял оттуда что ни есть лучшее платье и отдал старику: "Неси во дворец!"». Такими свойствами обладает исключительно пространство подземного царства, оно может не просто сворачиваться-разворачиваться, но и **перемещаться в мир обитания человека**. С другой стороны, описание ирреального пространства может совпадать с описанием мира обитания человека: «А Иван-царевич отправился в подводное царство; видит – и там свет такой же, как у нас, и там поля, и луга, и рощи зеленые, и солнышко греет...» [Живая вода 1986, 113].

Темпоральные маркеры, сдвигание временных рамок

Время – одна из основных категорий традиционной картины мира, сочетающая мифологическое (циклическое) и историческое (линейное) восприятие времени. Для народного восприятия природного времени характерен биологизм: каждый цикл имеет начало (рождение), расцвет, увядание (старость) и смерть [Славянские древности 1995, 448]. Жизненное время, по народным верованиям, отмерено, предопределено судьбой и должно быть прожито в соответствии с предназначенной человеку долей. Неизжитый век, преждевременная смерть или самоубийство считаются наказанием за грехи, угрозой всему миропорядку. Но и слишком долгая жизнь воспринимается как угроза равновесию мира.

В народных обрядах применяются приемы **компрессии времени** (масленичный обряд «колодка», в котором Колодий проживает свою жизнь за неделю: в понедельник он рождается, во вторник крестится, в четверг умирает, в пятницу его хоронят) и **растягивание времени** (изготовление магических предметов в течение года, ударяя топором по одному разу каждый день) [Славянские древности 1995, 451]. В русских волшебных сказках **использованы приемы компрессии времени**: «Полетел Иван-царевич в пропасть и крепко ушибся – полгода лежал без памяти» [Народные сказки 1992, 49]; «Он обвязался веревкою и полез в ту яму глубокую, и спускался ни много, ни мало – ровно три года...» [Народные сказки 1992, 49]. Данные контексты свидетельствуют о том, время в подземном царстве не тождественно реальному времени. Погружаясь в подземный мир, время летит намного быстрее.

Часто в русских сказках герой получает задание, которое необходимо выполнить в течение одной ночи или трех дней: «Приказал мне Морской царь за одну ночь все скирды обмолотить» [Живая вода 1986, 114], или «Приказал морской царь за одну ночь сделать церковь из чистого воску» [Живая вода 1986, 114]. Сверхбыстрое выполнение таких заданий невозможно без помощи мифических существ и представителей иного мифомира.

Таким образом, в русских волшебных сказках время не линейно, оно может ускоряться или замедляться в зависимости от передвижения и пути героя. Время в подземном царстве движется быстрее, чем в реальном мире. Это свидетельствует о том, что время в русских волшебных сказках не имеет четких рамок и четкой организации.

Маркерами ирреального пространства являются болотистые места со мхом, лес (непреренно темный и дремучий) и пустошь с острыми камнями, рвами и буераками. Данные места в фольклорной традиции связаны с обитанием нечистой силы. Необходимо отметить способность ирреального пространства «сворачиваться» и «разворачиваться», а также перемещаться. Это свидетельствует о том, что мифопоэтическое пространство неустойчиво, не структурировано и не имеет четких границ.

Исследование ПА в русских волшебных сказках позволит воссоздать целостную картину развития русской фольклорной традиции, а полученные выводы могут быть использованы в лексикографической практике. Дальнейшее исследование психологических ассоциативов представляется перспективным и может быть продолжено в аспекте исследования текстов русского фэнтези.

Література

Бабушкин А.П. "Возможные миры" в семантическом пространстве языка / Анатолий Павлович Бабушкин.– Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001.– 86 с. Вардзелашвили Ж.А. «Возможные миры» текстуального пространства. Электронный ресурс. / Ж.А. Вардзелашвили. – <http://vjanetta.narod.ru/tekst.html> (15.02.2012). Живая вода. Сборник русских народных песен, сказок, пословиц, загадок/ Сост., вступ. ст. и примеч. В.П.Аникина. – М.: Детская литература, 1986. – 462 с. Керлот Х.Э. Словарь символов. – М.: REFL-book, 1994. – 608 с. Народные сказки/ Библиотека русской сказки в 10-ти томах, Т.2. – М.:Возрождение, 1992. – 323 с. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5-ти т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. – М.: «Международные отношения», Т.1. – 1995; Т.2. –1999.Т.3. – М., Т.4. – М.: Международные отношения, 2009. Словник символів. Потапенко О.І., Дмитренко М.К., Потапенко Г.І. та ін. / За заг.ред. О.І.Потапенка, М.К.Дмитренка. – К.: Редакція часопису «Народознавство», 1997. – 156 с. Слухай Н.В. Етноконцепти та міфологія східних слов'ян в аспекті лінгвокультурології. – К.: «Київський університет», 2005. –167с. Слухай Н.В. Міфопоетичний словник східних слов'ян. Сімферополь: Кримське навчально-педагогічне державне видавництво,1999. -120 с.

УДК 81 (=111.=133.1=161.2=161.1)'372 '272-115

БСЛЯЄВА А. В.

*(Запорізький національний університет)***СЕМАНТИКО-КОГНІТИВНИЙ АСПЕКТ СТРУКТУРУВАННЯ КОНЦЕПТУ: ОСВІТА В АНГЛІЙСЬКІЙ, ФРАНЦУЗЬКІЙ, УКРАЇНСЬКІЙ ТА РОСІЙСЬКІЙ МОВАХ**

Статтю присвячено зіставному аналізу способів вербальної презентації концепту ОСВІТА одиницями різної частиномовної належності. Досліджуються засоби вербалізації його когнітивних компонентів в різноструктурних мовах.

Ключові слова: концепт, концептуальна метафора, зіставний аналіз.

Беляева А. В. Семантико-когнитивный аспект структурирования концепта: ОБРАЗОВАНИЕ в английском, французском, украинском и русском языках. Статья посвящена сопоставительному анализу способов вербальной презентации концепта ОБРАЗОВАНИЕ единицами различной частеречной принадлежности. Исследуются средства вербализации когнитивных компонентов концепта в разноструктурных языках.

Ключевые слова: концепт, концептуальная метафора, сопоставительный анализ.

Belyaeva A. V. Semantic Cognitive Analysis of the Concept Structure: EDUCATION in English, French, Ukrainian and Russian languages. The article focuses on the comparative analysis of the verbal presentation of the concept EDUCATION by lexical units belonging to different parts of speech. Means of expression of its cognitive components in English, French, Ukrainian and Russian languages are established.

Keywords: concept, conceptual metaphor, comparative analysis.

На сучасному етапі розвитку лінгвістики концептуальний аналіз не є уніфікованим методом, а виступає як сукупність різних методик, пріоритетність яких визначається метою дослідження. Актуальності набуває вивчення мовних засобів вираження концептів, а також різноманітних відносин, що виникають між ними. Актуальним видається звернення до аналізу кореляції між семантикою та процесами концептуалізації, що передбачає вивчення реалізацій концептуальних схем і імплікацій, закладених у значенні вербалізаторів концепту. Виявлення останніх стає можливим за допомогою процедур когнітивно-семасіологічного аналізу, який передбачає аналіз імені концепту та лексико-семантичних варіантів слів з відповідним коренем [Кустова 2004].

Мета статті – дослідження модифікацій концепту ОСВІТА вербалізованого ключовою лексемою та її похідними в англійській, французькій, українській та російській мовах. **Завдання** дослідження – проаналізувати лексико-семантичні варіанти лексем-вербалізаторів концепту ОСВІТА, встановити спільні та відмінні способи представлення студійованого концепту в лексичних одиницях зіставлюваних мов, виявити універсальні та національно-специфічні закономірності концептуалізації уявлень про освіту.

Об'єктом дослідження є концепт ОСВІТА в англійській, французькій, українській та російській мовах. **Предмет** аналізу – семантичні стратегії вербалізації концепту ОСВІТА в іменниках англійської, французької, української та російської мов. Вивчення особливостей концептуалізації освіти носіями досліджуваних мов здійснюється в когнітивно-семасіологічному напрямку, основи якого були закладені в працях Г. І. Кустової [Кустова 2004], що передбачає аналіз імені концепту та лексико-семантичних варіантів слів з відповідним коренем та встановлення логічних зв'язків між цими номінаціям.

В сучасній лінгвістиці аксіоматичним є положення про центральне місце категорії предметності у пізнанні людиною світу [Кубрякова 1997; Кубрякова 2004; Мечковская 2000; Морозова 2005, с. 96-98]. Категорія предметності, як відомо, відображена в іменниках. Процедурою, яка дозволяє виявити спосіб бачення вербалізованого в іменниках відповідного фрагменту світу є